

Оглавление

Предисловие	8
Глава 1. Рожден ради цели	17
Корни и культура	50
Глава 2. Первый собственный сортир	63
Глава 3. Джонни носит то, что хочет	96
Прекрасный стыд	121
Глава 4. Вперед в преисподнюю	125
Обнимаю и целую, детка # 1	160
Глава 5. Этот парень не сдастся	166
Кто цензурирует цензоров? # 1	
Не судите, да не судимы будете	207
Глава 6. Избавление от альбатроса	209
Глава 7. Открываем ящик Пандоры молотком и зубилом. .242	
Кто цензурирует цензоров? # 2	
Лебединые времена	275
Глава 8. Если вы параноик, это не значит, что за вами	
не следят	283
Обнимаю и целую, детка # 2	312

Глава 9. Нет ничего лучше перемен	316
Кто цензурирует цензоров? # 3	
Не дай мне быть неправильно понятым	354
Глава 10. Счастлив не разочароваться.	361
Глава 11. Джонни Ку-ку	398
Кто цензурирует цензоров? # 4	
Хотите мое тело?	432
Глава 12. Легко смотреть в будущее, когда ты в себе уверен	440
Обнимаю и целую, детка # 4	
Нора, моя наследница	474
Глава 13. Природа обрела меня.	481
Глава 14. История и горести... как дар	510
Кто цензурирует цензоров? # 5	
Пассивное сопротивление	527
Глава 15. Глубокие воды.	537
Финальная нота...	571
Благодарности.	572

Предупреждение от издателей

Эта автобиография написана Джоном Лайдоном, и написана она его словами. То, как он ими распоряжается, не всегда соответствует строгим грамматическим правилам. Иногда читатель может встретить слова, которых нет в словаре, или какие-нибудь не совсем, скажем так, ортодоксальные случаи их употребления. Издатель прекрасно об этом знает — и это вовсе не ошибки или опечатки. Они — часть уникального языка мистера Лайдона, и, принимая вещи таковыми, какие они есть, мы решили пустить подобного рода штуки в свободное плавание. Как сказал бы по этому поводу Джон: «Не парьтесь по всякой хрени».

Лайдонам. Я не стану благодарить мою семью за помощь с карьерой, потому что с этим я справился самостоятельно, но вполне благодарен им за то, что они всегда были со мной рядом. Спасибо.

Норе. Любви всей моей жизни. Моему лучшему другу. Ссоры — это прекрасно, но мириться — еще лучше. Я всегда видел от тебя только любовь и поддержку. И надеюсь, дарил то же самое в ответ. Спасибо.

Посвящаю эту книгу порядочности.

Предисловие

*May the road rise with you
(Пусть дорога бежит впереди)*

«Гнев — это энергия». И, черт возьми, да, так оно и есть. Возможно, это самые мощные строки, которые я когда-либо написал. Работая над «Rise», песней Public Image Ltd, я и понятия не имел, какое эмоциональное воздействие окажет она на меня, да и на всех, кто ее услышит.

Я сочинил эту строчку, особо не задумываясь, — просто выдал то, что пришло мне в голову, непосредственно перед тем, как впервые исполнить целиком всю песню в своем новом доме в Лос-Анджелесе. Такая крутая, спонтанная идея.

Сама песня была посвящена событиям в Южноафриканской республике во времена апартеида. Я смотрел тогда все эти устрашающие новостные репортажи по «Си-эн-эн», так что строчки вроде:

*На голове моей замкнули провод,
Что делал я и говорил — им дал я повод,*

— являются отсылками к пыткам, которые правительство ЮАР применяло против несогласных с режимом. Невыносимым пыткам.

Ты видишь подобные репортажи по телевизору и в газетах, и кажется, что это реальность, которую нельзя изменить. Так что в контексте «Rise» фраза «Гнев — это энергия» стала неким программным заявлением, словно говорящим: «Не восприни-

май гнев негативно, не отрицай его, а лучше используй, чтобы создать нечто новое». У песни есть и еще один рефрен: «Пусть дорога бежит впереди». Когда я рос, это были именно те слова, что любили повторять мои мать и отец, а вместе с ними и добрая половина соседей, которым также повезло родиться ирландцами: «Пусть дорога бежит впереди, а враги всегда остаются позади тебя».

Так что, да, главный посыл «Rise»: «Всегда есть надежда», а для решения проблем вовсе не обязательно прибегать к насилию. Гнев не равнозначен насилию. Насилие вообще редко что-то решает. В Южной Африке они в конце концов нашли относительно мирные способы выхода из конфликта. Используя такую вроде негативную энергию, как гнев, бывает достаточно всего лишь одного позитивного шага, чтобы изменить ситуацию к лучшему.

На записи «Rise» в студии мы с продюсером все время спорили, как с нами это обычно случается, но иногда подобные споры действительно имеют пользу и смысл. Когда же в начале 1986 г. вышел сингл, песня стала всеобщим гимном, причем случилось это именно в тот период, когда пресса твердила, будто со мной все кончено и мне и податься-то некуда. Оказалось, что очень даже есть куда, и я сделал это! Да, гнев — это энергия. Неисчерпаемая.

Когда я сейчас исполняю со сцены «Rise», то чувствую, как меня переполняют эмоции — реально, это такая настоящая связь с публикой. Я получаю все эти мелодраматические отклики, когда зал буквально взрывается, ощущая сопричастность тому заявлению, что несет песня, ее внутреннему смыслу и цели. Народ в зале полностью сознает это и, в свою очередь, делит свои чувства со мной. Просто дух захватывает. Часто я даже забываю о своем месте во всем этом действе. Настолько большое впечатление производит исполнение публикой песни, что эмоции берут верх. Для меня это и есть полный успех: нечто по-настоящему великодушное и благородное, понятное каждому в зале.

Гнев — корень причины, по которой я вообще сочиняю песни. Иногда мне даже кажется, что я сам себя едва контролирую, когда пишу. И если и есть где-то там ангелы-хранители, мое-

му досталась чертовски трудная работенка. Во всех этих вещах, в том, как это работает, конечно, есть большая доля предвидения и опыта, влияния того, как сложилась моя жизнь, с чего начиналась. Но теперь, когда я на сцене, слова сами приходят ко мне. И когда я на сцене — я в игре!

Что бы там ни сидело во мне, оно заставляет меня шевелиться, действовать, быть упорным и непреклонным, и такое понимание вещей вовсе не пустые выдумки — я, в конце концов, не так уж и отличаюсь от остального человечества. Правда. Мы все через это проходим, просто я взял и высказался вслух.

Я родился на помойке. Я появился на свет и вырос в дерьмовом районе Северного Лондона, жизнь в котором была во многом похожа на то, как мы представляем себе сегодняшнюю Россию. Тотальный контроль. Везде и во всем. Сама презумпция контроля. Люди рождались в этой насквозь прогнившей коррумпированной системе, веря, будто другие вправе указывать им, как поступать и что делать. Как я сказал королевской семье: «Вы можете попросить меня быть верным подданным, но вы точно не можете этого от меня потребовать. Я вам не чье-то пушечное мясо».

Не думаю, что подобного рода образ мышления был свойственен тогдашней британской ментальности. Десятилетия викторианского подобострастия уничтожили свободолюбивый дух предшествовавших столетий. Британцы некогда имели и в самом деле славные традиции гражданского неповиновения, однако ко времени окончания Второй мировой войны от них не осталось и следа: школьные учебники стыдливо замалчивали о былом бунтарстве. Однако те из нас, кто любил читать... — ага, сюрприз, смотрите-ка, что мы тут нашли!

Я начал читать и писать в возрасте четырех или пяти лет. Меня научила мама, однако после перенесенного в семилетнем возрасте менингита я лишился всего — памяти, своих воспоминаний, даже не мог узнать родителей. Возвращение обратно заняло много времени. После школы я просто уходил в библиотеку, сидел там и читал книги до самого закрытия. Предки вели себя замечательно, они верили, что я найду дорогу домой, хотя иногда мне даже этого не удавалось — я в буквальном смысле слова не мог вспомнить, где живу.

Я любил возвращаться к чтению, не важно, будь то история, геология или рассказы о дикой природе. Позднее я познакомился с Достоевским. В возрасте одиннадцати лет я нашел «Преступление и наказание» очень содержательным — печальным, да, но, знаете, иногда бывает полезным и плодотворным погрузиться в скорби и печали других людей. Типа: «Ага, что он за несчастный сукин сын, но у меня-то проблемы посерьезнее будут!» Так что книги оказались неоценимо важными — жизнь моя была спасена.

Тут у нас в Штатах недавно все обсуждали, зачем каждый бывший президент открывает библиотеки, если политики не читают книг. Привет, Америка! Это отчасти объясняет вашу политику. Что касается меня лично, чтение спасло меня, вернуло обратно. И едва я снова осознал себя, ко мне постепенно начали возвращаться память и обрывки воспоминаний. Они снова обрели для меня смысл, и постепенно я понял, что являюсь тем же человеком, кем был до того, как все потерял. Даже лучше, теперь я мог взглянуть на себя со стороны и поинтересоваться: «Слушай, ну и чем ты тут занимаешься? Давай-ка постарайся сделать все как следует и не бросайся, не подумав, куда ни попадя».

Возможно, я был слишком строг — что можно ожидать от семилетнего мальчишки? Однако я был очень, очень требователен к себе и продолжаю оставаться таковым. Никто не напишет обо мне всех тех действительно отвратных вещей, в которых я бы сам себя не обвинял. В половине случаев, читая разные хейтерские статейки, я думал про себя: «Да ладно, это они со мной еще легко обошлись». Как вы увидите в дальнейшем, читая эти страницы, я — мой самый строгий критик, а книга — моя попытка понять и изучить себя — постоянный процесс длиною в жизнь.

Возвращаясь к моему подростковому возрасту, стоит отметить, что я определенно был готов что-то совершить. Мой пистолет, скажем так, был заряжен, однако все дальнейшее случилось самым занимательным образом, поскольку такого я уж точно не ожидал. Как только прозвучало это: «Эй, хочешь петь в нашей группе?» — я немедленно ответил: «Вау, да без вопросов! Боже мой, теперь все сходится!» И будь я проклят, но я не собирался так просто отступаться от этой идеи. Я оказался очень

настойчив, несмотря на всеобщие неявки на репетиции и весь сопутствующий ранним Sex Pistols негатив.

Нельзя сказать, что я пришел в группу с блокнотами, исписанными словами песен, — тексты стали появляться уже по ходу дела. Мои мозги служили библиотекой. Мне нравится делать заметки, однако я достаточно пренебрежительно отношусь к уже записанному слову. Думаю я явно быстрее, чем пишу, поэтому и обзавелся неплохим таким хранилищем между ушами.

Было просто чертовски здорово получить возможность выкрикивать со сцены все эти вещи. Откровенно говоря, я и представить себе не мог, сколько народа в конце концов будет это слушать. «Пистолз» казались мне клубным проектом. Я не видел в нем особых перспектив, поскольку музыкальный бизнес, как и любой другой к тому времени, был целиком и полностью схвачен и повязан. Все эти проповедовавшие свободную любовь команды 60-х заняли там первые позиции и не собирались освобождать место в своем автобусе.

Однако спустя всего лишь год-два первая же парочка написанных мною вещей «Anarchy In The U.K.» и «God Save The Queen» попали точно в цель. Я хотел бы поблагодарить британскую систему публичных библиотек: они стали моей тренировочной базой, именно там я научился бросать свои словесные гранаты. Я не швырял кирпичи в витрины магазинов в знак протеста, а бросал слова там, где они имеют значение. И еще какое!

Адвокаты и парламентарии обсуждали меня на открытых слушаниях, гневно цитируя «Акт об измене». Смертельно опасная штука, если обернуть ее против тебя. Этот очень древний закон, судя по тому, что рассказал мне мой адвокат, до сих пор предусматривает смертную казнь. Упс! Что? За сказанное слово? Абсурдно, когда правительство диктует, как, по их мнению, людям следует или не следует поступать. Ау! Мы — те, кто за них голосует, и вовсе не для того, чтобы они указывали нам в ответ, что мы делаем не так. Лучше бы побольше обращали внимания на то, когда мы поступаем правильно. Гражданские права одинаковы для всех нас, скажу я. Не судите, и не судимы будете.

Вся эта провальная история пробудила во мне эдакого ворчливого маленького мерзавца. Только представьте — сама мысль о том, что слова и в самом деле являются оружием и вос-